

УДК 81-13

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР ЭТО САМОЕ В СОСТАВЕ КОМБИНИРОВАННЫХ ЦЕПОЧЕК В СОВРЕМЕННОМ УСТНОМ ДИСКУРСЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Сунь Сяоли

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, sunxiaoli_smile@163.com

В современном устном дискурсе на любом языке важную роль играют прагматические маркеры, встречающиеся в речи всех говорящих и выполняющие различные функции при порождении и организации устной речи. Они частотны в устной спонтанной речи, используются в разных коммуникативных жанрах и ситуациях, но остаются, как правило, за рамками лингводидактики и различных прикладных систем обработки речи. В этой связи актуальным представляется исследование этих сугубо функциональных условно-речевых единиц. В статье рассматривается одна из особенностей прагматических маркеров русской устной речи – их синтагматическая активность (своеобразный «магнетизм»), показанная на примере функционирования маркера *это самое*. Источниками материала для анализа послужили три звуковых корпуса: корпус русской повседневной речи «Один речевой день», корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» и мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка. Анализ корпусного материала показал, что больше базовых ПМ в составе цепочек находятся в постпозиции по отношению к маркеру *это самое*, чем в препозиции к нему. Возможны и ситуации, когда данный маркер «окружается» другими маркерами с обеих сторон. Кроме того, выстраивание цепочек прагматических маркеров определенным образом связано со степенью спонтанности (реальная спонтанная / квазиспонтанная, или частично подготовленная / имитация реальной речи) и формой (монолог/диалог) устной речи. Маркеры, имеющие сходные функции (прагматически «синонимичные»), гораздо чаще объединяются в цепочки, чем разнофункциональные прагматические маркеры.

Ключевые слова: устная речь; прагматический маркер; синтагматическая активность; прагматическая синонимия; полифункциональность.

Изучение живой, устной спонтанной речи – одно из наиболее актуальных, перспективных и активно развивающихся научных направлений, интерес к которому в современной лингвистике уже многие десятилетия остается неизменно высоким. Уже в 80-е гг. XX в. изучение разговорной речи оформилось в самостоятельное направление лингвистики, получившее название коллоквиалистики, что подкрепило тенденцию ориентации современных лингвистов на исследование особенностей устной речи – в противовес анализу литературно-письменного языка.

Под прагматикализацией в лингвистике обычно понимают процесс перехода в естественной речи определенных грамматических форм, отдельных лексем на коммуникативно-прагматический уровень языка, где единицы становятся сугубо прагматическими, начинают выражать не пропозициональное содержание предложения, а раз-

личные реакции говорящего на окружающую действительность или собственную речевую деятельность и имеющими форму самостоятельных высказываний [Graf 2011: 296; Günthner, Mutz 2004]. Обычная лексема в этой функции в контексте превращается в прагмалексему (Pragmalexeme) [Rathmaug 1985], или прагматему, а в новых, принятых в данном исследовании терминах – в прагматический маркер (ПМ).

ПМ порождаются говорящим неосознанно, на уровне речевых автоматизмов, практически не контролируются им; лексико-грамматическое значение этих единиц ослаблено или отсутствует (семантика и грамматика исходных форм, от которых и происходят ПМ в результате процесса прагматикализации, заменяются функцией в тексте); они вербализуют отношение говорящего лишь к процессу речепорождения, а не к содержанию речи. ПМ плохо поддаются переводу на

другие языки (в рамках художественных произведений), пока находятся полностью за рамками лингводидактики и до недавнего времени – вне лексикографической фиксации. В 2021 г. вышел первый словарь, объектом описания в котором стали именно прагматические маркеры [Прагматические маркеры 2021]. Н.В. Богданова-Бегларян, составитель и редактор этого словаря, сводит к следующему отличия ПМ от дискурсивных слов/маркеров (ДС/ДМ), которые чаще становятся объектом внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов – *кстати, во-первых, едва, вовсе, well, look, you know* и под. (см., например: [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Дискурсивные слова 1998, 2003; Brinton 1990; Fraser 2006; Lenk 1998])¹:

- 1) ПМ употребляются говорящим бессознательно, рефлекторно, на уровне речевого автоматизма – ДС/ДМ вводятся в текст осознанно, прежде всего с целью его структурирования;
- 2) ПМ не имеют (или имеют ослабленное, почти исчезнувшее) лексического и/или грамматического значения; находятся фактически вне системы частей речи, включая и категорию частиц, у которых также нет даже обобщенного грамматического значения и единых критериев выделения в эту лексико-грамматическую категорию – ДС/ДМ являются полнозначными лексико-грамматическими единицами устного дискурса;
- 3) ПМ употребляются только в устной речи или ее стилизации в художественном тексте – ДС/ДМ встречаются как в письменном тексте, так и в устной спонтанной речи;
- 4) ПМ демонстрируют отношение говорящего к самому процессу порождения речи или к его результату, вербализуя все его затруднения и колебания, и являются зачастую метакоммуникативными единицами – ДС/ДМ либо структурируют текст (вводные слова, служебная лексика), либо передают отношение говорящего к тому, о чем он сообщает;
- 5) ПМ, во всем их функциональном разнообразии, находятся практически вне лексикографической фиксации и, как правило, остаются за рамками лингводидактики и различных прикладных систем обработки речи – ДС/ДМ являются частью традиционной лексикографии, будучи лексемами, с одной стороны, а также рассматриваются в дискурсивных исследованиях как операторы структурирования высказываний, с другой стороны [Богданова-Бегларян 2021: 17].

Слово *самый* в повседневной речи часто попадает под действие процесса прагматикализации и в результате практически утрачивает свое

словарное значение, «превращаясь» в прагматический маркер *это самое* (ЭС), функционирующий во всех своих грамматических формах [Прагматические маркеры: 435–458].

О синтагматической активности, своеобразном «магнетизме», стремлении к «композиционности», функциональных речевых единиц говорят обычно применительно к частицам (см., например: [Лан Шо 2018; Шведова 2003: 115;]). Б. Франк-Джоб отмечает, что одним из сопутствующих свойств образовавшегося ПМ является частое совместное употребление нескольких маркеров в одном контексте [Frank-Job 2006] (подробнее о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи, а также о характеристике цепочек ПМ см., например: [Богданова-Бегларян 2019; Ким 2020]). В настоящем исследовании внимание уделяется анализу синтагматической активности («магнетизма») прагматического маркера *это самое*.

Корпусный подход дал начало масштабному изучению всех особенностей устного дискурса – от фонетических и просодических до стилистических и коммуникативных. Источником материала для настоящего исследования послужили корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) и Мультимедийный подкорпус (МУРКО) Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Корпус ОРД фиксирует всю речевую продукцию информанта в течение дня, во всем разнообразии жанров и речевых ситуаций, возникающих в ходе повседневной коммуникации, и по большей части представляет собой диалоги информантов с различными собеседниками (см. подробнее о корпусе ОРД: [Звуковой корпус 2013; Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017, 2019а]). Корпус САТ включает в себя монологи информантов из разных социальных и психологических групп, полученные в условиях эксперимента; корпус сбалансирован прежде всего по собственно лингвистическому критерию (см. подробнее о корпусе САТ: [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян, Шерстинова, Зайдес 2017; Богданова-Бегларян и др. 2019б]). Ядро подкорпуса МУРКО составляют речь кино, представляющая собой имитацию живой речи, и устная публичная речь, относящаяся к так называемой квазиспонтанной речи, которая характеризуется достаточно высокой долей подготовленности и значительно меньшей степенью спонтанности. В МУРКО мало текстов устной непубличной речи, которая отличается полной неподготовленностью и непринужденностью речевого акта (см. подробнее о подкорпусе МУРКО: [НКРЯ: электр. ресурс]).

Материалом для конкретного анализа стали 55 контекстов из ОРД, 11 контекстов из САТ и 30 контекстов из МУРКО, содержащие 100 исследуемых маркеров *это самое*. Во всех подобранных текстах маркеры ЭС разбиваются на два типа: хезитативы (83 словоупотребления, 82%) и разграничители (17,2%), в том числе 11 стартовых маркеров (64,7%) и 6 финальных (35,3%) (о типологии ПМ, положенной в основу настоящего исследования, см. подробнее: [Богданова-Бегларян 2021: 28–33]).

В 48 случаях употребления ЭС (48%) цепочка маркеров удлиняется только влево от него, т. е. другие ПМ находятся в препозиции по отношению к ЭС, ср.:

- (1) *да / конечно / давай / помучь его / вдруг сломается // так / теперь значит / это самое* (ОРД);
- (2) *Да вот это самое / поворачивать всё на себя!* (МУРКО: С. Герасимов. Любить человека, к/ф, 1972);
- (3) *Оль% / понимаешь / надо вот так вот / нужно хитрить / нужно найти вот эту лазейку / понимаешь / а когда мозги / немножко / вот / это самое / задвинуты / вот здесь ничего не сообразишь / где и как сделать* (ОРД)²;
- (4) *я говорю у меня(:) ... сейчас // *В я говорю у меня типа () этот самый ... Маэстро\$ / и () я говорю вряд ли чего-то можно на неё купить / *П потому что это Маэстро\$ // @ угу* (ОРД)³;
- (5) *с / с горы // так значит / собрал / значит взял лыжи / шапку / ну вот / и значит это самое / собрался / поехал* (САТ);
- (6) *Следовательно / вот эта самая... Тогда видно из этой картины/ видно/ что вот предлагаемая классификация полностью отвечает...* (МУРКО: Теория асимметрии мозга. Программа «Гордон». НТВ, 2003);
- (7) *И вот / но... Прежде / чем говорить о том / чтобы бороться / значит / американцы / значит / там военные сразу / значит / потому что / значит / эти самые / те / кто на войну были нацелены / они оказались / у них «кризис жанра» / понимаете / надо занять их – вполне естественно.* (МУРКО: Астероидная опасность. Программа «Гордон». НТВ, 2003).

В контекстах (1)–(2) конструкция ЭС выступает в роли разграничительного маркера, помогающего говорящему структурировать свою речь: в примере (1) это цепочка финальных маркеров, а в примере (2) – цепочка стартовых ПМ. Здесь можно говорить о явной полифункциональности ПМ в спонтанной речи, поскольку в данных контекстах выстраиваются достаточно протяженные цепочки ЭС с другими ПМ (*значит, да вот*), реализующие одновременно функции разграничительного маркера, вербального хезитатива и метакоммуникатива. В примерах (3)–(7) ЭС служит заполнителем паузы хезитации, при этом высту-

пает в разных своих грамматических формах: это самое, эта самая, этот самый, эти самые. В приведенных контекстах в цепочки хезитативов входят ПМ значит, вот, типа.

В 35 случаях (35%) цепочка удлиняется вправо от ЭС, т. е. другие ПМ находятся в постпозиции по отношению к исследуемому маркеру ЭС, ср.:

- (8) *не(:) / давай мы это не будем / это самое / (...)
там ... # мы можем ... () мы можем что ? (э-э)
сейчас собрать его //* (ОРД);
- (9) *ну что? там конечно этот самый () вот это
вот () слева справа Абхазия / слева Россия / вот
всё это соответственно наблюдали* (САТ);
- (10) *нет / из-за этого работу / ну вот / они не / это
самое / вот ...* (ОРД);
- (11) *страшно боже! я это вцепился там всеми сила-
ми (э-э) души () в эти самые () в эти () в эту
бедную ...* (САТ);
- (12) *Так! Это самое / я не знаю / ну в общем это ты
за себя говоришь/ а я вот говорю за себя //*
(МУРКО: Рассказ о переезде в Находку, 2016. Дальневосточный федеральный университет, База данных «Живая речь дальневосточников»).

В примерах (8)–(12) маркер ЭС выполняет функцию хезитативного поиска. При этом поиск нужного слова заканчивается по-разному: он может быть как удачным, так и неудачным. В контекстах (8) и (10)–(11), несмотря на то что однофункциональные (функционально «синонимичные») маркеры в составе цепочки притягиваются друг к другу и как бы «усиливают» поиск, искомое слово так и не найдено. Кроме того, в примере (10) цепочка сворачивает разговор, т. е. выступает в роли финального маркера. В примере (9) поиск оказался вполне удачным: искомые слова (*справа Абхазия / слева Россия*) после некоторой заминки найдены и произнесены, в ходе поиска выстроена целая цепочка хезитативов (*этот самый () вот это вот ()*). Маркер *вот это вот* является дейктическим ПМ, хотя в данном контексте, в комбинации с маркером *это самое*, он явно используется в процессе припоминания нужного слова, т. е. в хезитативной функции. Снова налицо «магнетизм» и полифункциональность русских прагматических маркеров.

В 15 случаях (15%) цепочка маркеров тянется в обе стороны от ЭС, ср.:

- (13) *и вот этот самый такой что ну типа понимаешь как это не обязателька нет ...* (ОРД);
- (14) *я Игорью(?)% сказал / что они там что-то начали / туда-сюда () ну / короче / это самое (...) короче (...) придет *Н (Дмикин?) / и сидите / типа / грустно(?)* (ОРД);
- (15) *Я / кстати / тогда работал в Зеленограде много лет / так сказать / в этом самом / так сказать / варился в этом котле* (МУРКО: Суперпарамагнетизм. Программа «Гордон». НТВ, 2003).

В примерах (13)–(15) перед нами довольно длинные цепочки ПМ, здесь чаще появляется комбинация разнофункциональных ПМ: целый ряд стартовых маркеров: *вот этот самый такой* + частица *ну* + хезитатив *типа* + метакоммуникатив *понимаешь* + хезитатив *как это* в примере (13); заместитель *туда-сюда* + частица *ну* + цепочка хезитативов *короче / это самое (...) короче (...)* в примере (14); комбинация двух рефлексивов (одновременно хезитативов) с ЭС *так сказать / в этом самом / так сказать* в примере (15). Можно предположить, что чем длиннее цепочка ПМ, тем легче в ней комбинируются разнофункциональные маркеры. Хотя рядом с мар-

кером *это самое*, в своеобразном «хезитативном контексте», маркеры разного типа начинают выступать как хезитативы.

В результате анализа корпусного материала удалось создать два частотных словника ПМ, употребленных в составе цепочек в пре- и постпозиции по отношению к исследуемому маркеру ЭС. Здесь стоит отметить, что комбинированные маркеры слева и справа от конструкции ЭС рассматриваются отдельно в текстах, где цепочка ПМ распространяется в обе стороны. Помимо этого, в таблицах 1–2 перечисляются только базовые ПМ, не включая их структурные варианты и словоформы.

Таблица 1

Частотный словник прагматических маркеров в составе цепочек в препозиции по отношению к маркеру *это самое* в разных корпусах, абс.

Ранг	ОРД		САТ		МУРКО	
	ПМ	Частота	ПМ	Частота	ПМ	Частота
1	<i>вот</i>	22	<i>значит</i>	3	<i>вот</i>	10
2	<i>значит</i>	7	<i>вот</i>	3	<i>значит</i>	5
3	<i>типа</i>	3	<i>в общем</i>	1	<i>это</i>	1
4	<i>это</i>	2	<i>типа</i>	1	<i>да</i>	1
5	<i>всё</i>	2			<i>так сказать</i>	1
6	<i>там</i>	2				
7	<i>короче</i>	2				
8	<i>так сказать</i>	2				
9	<i>знаете</i>	22				
10	<i>туда-сюда</i>	7				
11	<i>такой</i>	3				

Таблица 2

Частотный словник прагматических маркеров в составе цепочек в постпозиции по отношению к маркеру *это самое* в разных корпусах

Ранг	ОРД		САТ		МУРКО	
	ПМ	Частота	ПМ	Частота	ПМ	Частота
1	<i>вот</i>	9	<i>это</i>	4	<i>как его</i>	9
2	<i>как его</i>	6	<i>вот (...) вот</i>	3	<i>да</i>	2
3	<i>это</i>	6	<i>как его</i>	2	<i>не знаю</i>	1
4	<i>понимаешь</i>	3	<i>значит</i>	1	<i>короче</i>	1
5	<i>там</i>	2	<i>типа</i>	1	<i>понимаешь</i>	1
6	<i>вот (...) вот</i>	1	<i>такой</i>	1	<i>вот</i>	1
7	<i>короче</i>	1			<i>так сказать</i>	1
8	<i>такой</i>	1			<i>в общем</i>	1
9	<i>типа</i>	1				
10	<i>как это</i>	1				

Видно, что в препозиции по отношению к ЭС в целом выявлено 13 базовых ПМ, реализованных в 71 словоупотреблении. Видно также, что общими в верхней зоне частотного списка в трех корпусах являются маркеры *вот* и *значит*. В материале диалогической речи (ОРД) количество базовых ПМ в этой позиции оказалось в 2,75 раза больше, чем в монологической

(САТ), и в 2,2 раза больше, чем в корпусе МУРКО.

В постпозиции по отношению к ЭС в целом выявлено 15 базовых ПМ, реализованных в 60 словоупотреблениях. Из Таблицы 2 видно, что во всех трех корпусах наиболее часто к ЭС «притягивается» маркер *как его* (ранг 2 в ОРД, ранг 3 в САТ, ранг 1 в МУРКО). ПМ *вот* является са-

мым частым «соседом» ЭС в диалогической речи (ОРД) (ср. данные частотного словника в: [Прагматические маркеры 2021: 54]). Маркер *это* часто употребляется справа в комбинации с ЭС в диалогах (ранг 3) и монологах (ранг 1). В диалогах (ОРД) количество базовых ПМ в постпозиции к ЭС оказалось в 1,67 раз больше, чем в монологической (САТ), и в 1,25 раз больше, чем в корпусе МУРКО. Можно предположить, что создание цепочки ПМ в комбинации с ЭС в определенной степени зависит от формы (жанра) и степени спонтанности устной речи. В трех корпусах 15 базовых ПМ в составе цепочек находятся справа по отношению к ПМ ЭС, и 13 базовых маркеров – слева.

В результате можно заключить, что 11 употреблений прагматического маркера *это самое* (11%) «притягивают» к себе «несинонимичные» (разнофункциональные) прагматические маркеры. В остальных случаях (89%) – «синонимичные» (однофункциональные) маркеры, чаще всего хезитативы (77 случаев, 77%). Это дает основания говорить о наличии в этом классе функциональных единиц устной речи своеобразных системных отношений: прагматической «синонимии» и полифункциональности (Богданова-Бегларян 2019). Случаи «магнетизма» ПМ ЭС можно условно разделить на два типа: цепочки разных маркеров (хезитативов и разграничителей разного типа; разграничителей разного типа и метакоммуникативов и т. п.) и комбинации «синонимичных» ПМ (прежде всего хезитативов). Синтагматическая активность ПМ, без сомнения, дополнительно осложняет процедуру их выделения в тексте, а также перевода русских художественных текстов на другие языки. Результаты исследования имеют большое значение для углубленного обучения русскому языку как иностранному.

Примечания

¹ Чаще, впрочем, в зарубежной лингвистике подобные единицы не дифференцируются и описываются то как прагматические маркеры, то как дискурсивные, см., например: [Лю Лиянь 2005; Fraser 1996].

² Знак % в расшифровках ОРД ставится после слова без пробела и означает личное имя собственное или иную личную информацию (номер телефона, адрес, медицинский диагноз и под.). Знак \$ также ставится после слова без пробела и означает нарицательное, обычно широко известное, имя собственное (географическое название, название литературного или музыкального произведения и проч.). *В означает шумный вдох, *П – физическую (незаполненную) паузу хезитации, () – заминку говорящего. Подробнее об особенностях

орфографического представления материалов корпуса ОРД см.: [Русский язык 2016: 242–243].

³ Знак @ в расшифровках ОРД означает наложение речи собеседников, знак # в примерах ниже – меню говорящих. Видно, что корпус ОРД фиксирует речь не одного носителя языка, но и речь всего его окружения в течение «речевого дня». Подробнее об особенностях орфографического представления материалов корпуса ОРД см.: [Русский язык... 2016: 242–243].

Список литературы

Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 208 с.

Богданова-Бегларян Н.В. Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. № 7. С. 14–19.

Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб: Нестор-История, 2021. С. 5–52.

Богданова-Бегларян Н.В. и др. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи / Н.В. Богданова-Бегларян, А.С. Асиновский, О.В. Блинова, Е.В. Маркасова, А.И. Рыко, Т.Ю. Шерстинова // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. Вып. 2. С. 357–372.

Богданова-Бегларян Н.В. и др. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи / Н.В. Богданова-Бегларян, Т.Ю. Шерстинова, О.В. Блинова, Г.Я. Мартыненко // Анализ разговорной русской речи (АР3-2017): тр. Седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скредлин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Зайдес К.Д. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР3-2017): тр. Седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скредлин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.

Богданова-Бегларян Н.В. и др. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы / Н.В. Богданова-Бегларян, О.В. Блинова, Г.Я. Мартыненко, Т.Ю. Шерстинова // Тр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова / гл. ред. А.М. Молдован. Вып. 21: Национальный корпус

русского языка: исследования и разработки / отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019а. С. 101–110.

Богданова-Бегларян Н.В. и др. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи / Н.В. Богданова-Бегларян, О.В. Блинова, К.Д. Зайдес, Т.Ю. Шерстинова // Тр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова / гл. ред. А.М. Молдован. Вып. 21: Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019б. С. 111–126.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К.Л. Киселёвой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 448 с.

Дискурсивные слова русского языка: варьирование и семантическое единство / под ред. К.Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Азбуковник, 2003. 207 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Ким Т.Г. Прагматические маркеры русской устной речи в составе комбинированных цепочек (монолог vs диалог): дипл. соч. СПб., 2020. 104 с. (машинопись).

Лан Шо. Частица «вот» в лексикографическом представлении: значение, прагматика, функции: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2018. 129 с. (машинопись).

Лю Лиянь. Дискурсивные маркеры в устной коммуникации. Чжэцзян: Чжэцзянский ун-т, 2005. 127 с. (刘丽艳. 口语交际中的话语标记. 浙江: 浙江大学, 2005. 127页).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.06.2022).

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв.

ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003, 310 с.

Brinton L.J. The Development of Discourse Markers in English // Historical Linguistics and Phonology / J. Fisiak (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1990. P. 45–71.

Frank-Job B. A Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles / K. Fischer (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 395–413.

Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. 1996. Vol. 6(2), P. 167–190.

Fraser B. Towards a Theory of Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles. Studies in Pragmatics, 1 / K. Fischer (ed.). Oxford: Elsevier, 2006. P. 189–204.

Graf E. Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.

Günthner S., Mutz K. Grammaticalization vs Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.

Lenk U. Marking Discourse Coherence: Functions of Discourse Markers in Spoken English. Narr: Tuebingen, Germany, 1998. P. 37–52.

Rathmayr R. Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. München: Sagner, 1985. 354 p.

THE PRAGMATIC MARKER *ETO SAMOE* WITHIN COMBINED CHAINS IN MODERN ORAL DISCOURSE (CORPUS STUDY)

Sun Xiaoli

PhD Student, the Russian Language Department
St. Petersburg State University

In modern oral discourse in any language, an important role is played by pragmatic markers, which are found in the speech of all speakers and perform various functions in generating and organizing oral speech. They are frequent in oral spontaneous speech, are used in different communicative genres and situations, but remain, as a rule, outside the scope of linguistics and various applied speech processing systems. In this regard, the study of this purely functional speech units seems important. The article deals with one of the features of pragmatic markers in Russian oral speech – their syntagmatic activity (special “magnetism”), shown on the example of the marker *eto samoe*. The sources of material for the analysis were three sound corpora – the corpus of everyday Russian speech “One Speech Day”, the corpus of Russian monologue speech “Balanced Annotated Textbook Library” and the Multimedia subcorpus of the Russian National Cor-

pus. Analysis of the corpus material showed that base PMs within the chains are more often found in postposition to the marker *eto самое* than in preposition to it. Situations are also possible when this marker is “surrounded” by other markers on both sides. In addition, the construction of chains of pragmatic markers is connected in a certain way with the degree of spontaneity (real spontaneous / quasi-spontaneous or partially prepared / imitation of real speech) and the form (monologue/dialogue) of oral speech. Markers with similar functions (pragmatically synonymous) are much more often combined in chains than different-functional pragmatic markers.

Keywords: oral speech; pragmatic marker; syntagmatic activity; pragmatic synonymy; polyfunctionality.